

УДК 811.161.1; 811.222.1

<https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-28-36>

Экспрессивные и оценочные конструкции в русской разговорной речи и их эквиваленты в персидском языке

Набати Шахрам¹, Мехтиханлы Севиндж²

^{1,2} *Гилянский университет, Решт, Иран*

¹ *shnabati@guilan.ac.ir*

² *smehdikhanli@guilan.ac.ir*

Аннотация

В данной работе осуществляется анализ экспрессивных и оценочных конструкций, объективирующих разные интенции и эмоции в русской разговорной речи. Средства и способы выражения эмоций у людей разнообразны. Эти различия наблюдаются не только у представителей разных народов, но и у представителей одной и той же нации. Экспрессивные и оценочные конструкции рассматриваются в качестве важных особенностей русской коммуникативной культуры. Актуальность данной работы заключается в необходимости изучения способов выражения эмоций, оценки экспрессивности русской разговорной речи в иранской аудитории, так как без знания вербальных форм эмоционального взаимодействия в обществе изучение русского языка, можно сказать, немислимо. Эмоции являются неотъемлемой частью человеческой личности и определяют национально-культурное своеобразие и уникальность данной личности. Исходя из этого, одновременно с изучением эмоционального слоя русского языка происходит и усвоение иранскими студентами информации, касающейся особенностей языкового сознания и культуры русского народа. Студенты, изучающие русский язык, осваивают новую для них лингвокультуру, постигают эмоциональный язык и, можно сказать, эмоциональную картину мира в процессе обучения. Актуальность работы также определяется задачами и целями не только обучения русскому языку как иностранному в иранской аудитории, но также активного и правильного владения данным языком в неязыковой среде. Цель настоящей работы состоит в выявлении экспрессивных и оценочных конструкций, обозначающих разные интенции и эмоции в разговорной речи в русском языке и их аналогов в персидском языке. Контексты получены из системы «Национальный корпус русского языка». Анализ показал, что экспрессивные конструкции разговорной речи могут выражать различные интенции и эмоции в русском языке: удивление, согласие, возражение, предположение, отказ, сожаление, восхищение, возмущение, радость, огорчение, которые характерны и для персидского языка, но вследствие национального своеобразия в персидском языке данные интенции и эмоции имеют свои способы и средства выражения. Теоретическая и практическая значимость работы заключается в том, что результаты настоящей статьи могут быть полезными для переводчиков, а также служить дополнительным материалом на занятиях для студентов, обучающихся на кафедрах РКИ иранских вузов по соответствующим учебным дисциплинам.

Ключевые слова: *экспрессивность, оценочность, эмотивность, разговорная речь, русский язык, персидский язык*

Для цитирования: Набати Шахрам, Мехтиханлы Севиндж. Экспрессивные и оценочные конструкции в русской разговорной речи и их эквиваленты в персидском языке // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2024. Вып. 3 (233). С. 28–36. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-28-36>

To the question of expressive and evaluative constructions that reflect different intentions and emotions in Russian colloquial speech and their expressions in Persian

Nabati Shahram¹, Mehdikhanli Sevinj²

^{1,2} *University of Guilan, Rasht, Iran*

¹ *shnabati@guilan.ac.ir*

² *smehdikhanli@guilan.ac.ir*

Abstract

This work analyzes expressive and evaluative constructions that objectify various intentions and emotions in Russian colloquial speech. People have different means and ways of expressing emotions. These differences are

observed not only among representatives of different peoples, but also among representatives of the same nation. Expressive and evaluative constructions are considered as important features of Russian communicative culture. The relevance of this work lies in the need to study the ways of expressing emotion, evaluation and expressiveness of Russian colloquial speech in an Iranian audience, since, without knowing the verbal forms of emotional interaction in society, learning the Russian language can be said to be unthinkable. Emotions are an integral part of the human personality and determine the national and cultural identity and uniqueness of this personality. Russian language is studied simultaneously with the study of the emotional layer of the Russian language and the assimilation by Iranian students of the information concerning the peculiarities of the linguistic consciousness and culture of the Russian people. Iranian students who study Russian outside the language environment, learn a new linguistic culture, comprehend emotional language and, one might say, an emotional picture of the world in the learning process. The relevance of the work is also determined by the goals and objectives of teaching Russian as a foreign language in an Iranian audience and correct language knowledges in a non-linguistic environment. The purpose of this article is to identify expressive and evaluative constructions denoting different intentions and emotions in Russian speech and their expression in Persian. Contextual analysis was carried out on the basis of authentic contexts obtained from the information and reference system "National Corpus of the Russian Language". The analysis showed that the expressive constructions of colloquial speech can express various intentions and emotions in the Russian language: astonishment, agreement, objection, assumption, refusal, regret, admiration, indignation, joy, chagrin, but due to national identity, in the Persian language these intentions and emotions have their own ways and means of expression. The theoretical and practical significance of the work lies in the fact that the results of the article can be used by students studying at the departments of Russian as a foreign language in Iranian universities as additional material in the relevant academic subjects, in university practice at different levels of teaching Russian and Persian languages, as well as by translators.

Keywords: *expressiveness, appraisal, emotivity, colloquial speech, Russian language, Persian language*

For citation: Nabati Shahram, Mehdi Khanli Sevinj. Ekspressivnyye i otsenochnyye konstruktssii v russkoy razgovornoy rechi i ikh ekvivalenty v persidskom yazyke [To the question of expressive and evaluative constructions that reflect different intentions and emotions in Russian colloquial speech and their expressions in Persian]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Tomsk State Pedagogical University Bulletin*, 2024, vol. 3 (233), pp. 28–36 (in Russ.). <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2024-3-28-36>

Введение

Эмоции и оценка – составляющие состояния человека, играющие важную роль в его жизни, так как любое взаимодействие человека с окружающей его действительностью, с другими людьми сопровождается различными чувствами, эмоциями и оценкой. Именно поэтому данный вопрос всегда остается актуальным и исследуется различными науками.

Согласно словарю под редакцией М. Н. Кожинной, категория оценки – это «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [1, с. 140].

Л. А. Сергеева утверждает, что «оценка по своей природе концептуальна, так как она сравнивает действительность с идеализированной моделью мира» [2, с. 121].

В словаре лингвистических терминов под редакцией О. С. Ахмановой оценка определяется как «суждение говорящего, его отношение – одобрение или неодобрение, желание, поощрение и т. п. – как одно из основных частей стилистической коннотации» [3, с. 293].

Существуют разные определения категории оценки, в том числе структуры, происхождения и средств ее выражения, данные исследователями. Во всех вышеуказанных дефинициях оценки подразумеваются индивидуальные исследовательские подходы лингвистов, и все определения взаимодополняют друг друга. Однако следует отметить, что определение, данное в словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой, является более емким и лаконичным, в то же время актуальным для данной научной статьи.

В связи с наличием тесной связи между оценочностью и эмотивностью в реальной действительности также можно наблюдать проявление данной связи между эмоцией и оценкой. Исходя из вышесказанного, классификация эмотивных и оценочных слов в особые группы сопровождается рядом трудностей.

Следует отметить, что в работах ряда лингвистов эмотивность и оценочность рассматриваются вместе, исходя из того, что эмотивность сопровождается оценочностью. Так, Н. М. Павлова полагает, что «в структуре лексического значения слова эмотивность может присутствовать без

оценочности, хотя круг таких слов ограничен, но оценочность всегда сопровождается эмотивностью» [4, с. 54].

Имеются работы, в которых вышеуказанные категории рассматриваются лингвистами как самостоятельные составные части в значении слова. И. В. Арнольд утверждает, что «в состав лексического значения слова, помимо понятийного содержания, входят экспрессивный, эмотивный и оценочный компоненты, которые не следует смешивать» [5, с. 87]. Исходя из утверждения И. В. Арнольд, эмотивность и оценочность не совпадают и рассматриваются как два разных компонента.

Являясь одним из свойств языковой единицы, эмотивность тесно связана с выражением эмоций человека. Как отмечает В. Н. Телия: «сознание способно пропускать мир через себя, что предопределило необходимость эмоций как реакций на этот мир, желательных или нежелательных, заслуживающих одобрения или порицания» [6, с. 109]. В. И. Шаховский отмечает, что «эмоциональное отражение действительности в языке происходит через эмоциональный вид познания, при котором субъект отражает мир и его предметы в форме эмоциональных образов» [7, с. 47].

Т. А. Трипольская в своей работе «Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты» выделяет понятие эмотивно-оценочного дискурса «как составной части дискурса в целом, вычленяемое ввиду важности сферы квалификативной и эмоциональной деятельности человека по ориентации в мире и его упорядочиванию, основными признаками которого являются наличие эмотивно-оценочной лексики, высокая степень экспрессивности, категоричность эмотивно-оценочного содержания» [8, с. 4].

Несмотря на различные взгляды и определения по поводу связи категорий эмотивности и оценочности, то, что данные категории считаются пересекающимися и есть возможность совмещения друг с другом, однако, несмотря на это, не совпадают, является наиболее убедительным.

Ввиду связи экспрессивности с познанием действительности данная категория тоже является одной из непростых в области лингвистики. Категория обладает свойством положительной и отрицательной характеристики значений языковых единиц. В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» под редакцией В. Н. Ярцевой экспрессивность определяется как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство

субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» [9, с. 591].

Некоторые лингвисты рассматривают категорию экспрессивности в рамках других лингвистических категорий, указывая на непосредственную связь с ними. Так, В. Н. Телия рассматривает связь категории экспрессивности с категориями эмоциональности, образности, интенсивности, оценочности. В. Н. Телия называет экспрессивность «многокомпонентной категорией» и отмечает, что «экспрессивность является интегральным результатом реализации эмоциональности, оценочности, образности, интенсивности» [10, с. 26].

В своей работе Е. М. Галкина-Федорук указывает на необходимость разграничения этих двух понятий: «Выражение эмоции в языке всегда экспрессивно, но экспрессия в языке не всегда эмоциональна. Данные понятия обладают разными функциями. Эмоциональные элементы служат выражению чувств человека, в то время как экспрессивные средства служат усилению выразительности и изобразительности» [11, с. 121].

Все признаки категории экспрессивности взаимодополняют друг друга, так как выражают общее экспрессивное семантическое значение языковых единиц. Семантическая характеристика категории экспрессивности является основной, а остальные находятся с ней в отношении дополнительности.

Существует немало научных работ, рассматривающих связь категорий экспрессивности, эмотивности и оценочности, чего нельзя сказать о соотношении категорий экспрессивности и оценочности и работах, посвященных данной проблеме.

Лингвисты, исследующие вопрос об оценочной функции экспрессивных средств языка, указывают на пересечение категории экспрессивности и оценочности, исключая возможность их совпадения друг с другом. Так, В. Н. Цоллер полагает, что «эти категории могут пересекаться в одном слове», т. е., если говорящий хочет выразить свое оценочное отношение к тому или иному явлению действительности, он выбирает экспрессивные языковые средства. Однако не всегда оценочность совмещается с экспрессивностью, так как некоторые слова имплицитно содержат оценку, и в них не всегда содержится экспрессивный семантический признак, т. е. вербальное выражение оценки не всегда экспрессивно» [12, с. 65].

В своей работе И. М. Гиндлина пишет, что «оценочность экспрессивна, однако экспрессивность не всегда оценочна» [13, с. 4].

По мнению В. К. Харченко, «оценочность представляет собой функциональную категорию; она меньше всего является „созначением“ и тем самым отличается от экспрессивности» [14, с. 67].

Наиболее подходящим из вышеуказанных суждений о связи категорий экспрессивности и оценочности является суждение о том, что категория экспрессивности считается более широкой, чем категория оценочности.

Материал и методы

В процессе исследования применялись как общенаучные (анализ, синтез, обобщение), так и частнонаучные (лингвистические) методы (описательный, сопоставительный, метод контекстуального анализа). Контекстуальный анализ осуществлялся на основе аутентичных контекстов Национального корпуса русского языка [15]. При переводе выражений в исследовании использовался «Русско-персидский словарь» [16].

Результаты и обсуждение

В данной работе рассматриваются экспрессивные конструкции и оценочные выражения, свойственные разговорному стилю речи. Приводятся экспрессивные конструкции, отображающие различные эмоции и интенции в разговорной речи в русском языке, и их выражения в персидском языке. Для лучшего понимания смысла эмоции и интенции дается их нейтральная конструкция.

Удивление – *تاادجоб (هэйрат)*¹

Экспрессивные конструкции ‘ничего себе!’, ‘надо же’, ‘вот это да!’, ‘да ты что?’ выражают сему ‘удивление’.

Экспрессивная конструкция ‘ничего себе!’ выражается в персидском языке словами ‘عجب!’; ‘وای!’ и употребляется для выражения удивления, недовольства или недоверия. Ее нейтральной конструкцией является ‘Не может быть!’:

(1) *Это велогонки «Тур де Франс». И вот уже в них участвуют женщины – ничего себе!* (Князева С. XX век берет разбег // Знание – сила. 2014).

این مسابقه دوچرخه سواری "تور دو فرانس" است. و اکنون زنان در آن تور ها شرکت می کنند - **عجب!**

Ин мосабеге дочархэ савари “тур ду франс” аст. Ва акнун занан дар ан турҳо шеркат миконанд – аджаб.

¹ Здесь и далее в работе для удобства чтения мы приводим перевод примеров на персидский язык кириллицей. Для обозначения звуков, отсутствующих в русском алфавите, мы используем отдельные буквы латиницы, например h.

(2) *Я долго ломал голову, почему он подписался: «Ак. И. Роцин». Что за «Ак.»? И вдруг сообразил: академик. Ничего себе! А я-то считал его за простого инженера* (Сартаков. Горный ветер).

برای مدت طولانی گنج بودم که چرا او چنین امضا کرد: «اک. ای. روشین». «اک» چیست؟ و ناگهان متوجه شدم: آکادمیسین. **چه جالب!** و من فکر می کردم که او یک مهندس ساده است.

Барае моддатэ тулани гидж будам кэ чэра у чэнин эмза кард: «Ак. И. Роцин». «Ак.» чиства? нагэһан мотэваджеһ шодам: акадэмисиан. Чэ джалэб! Ва ман фэкр микардам кэ у ек моһандэс аст.

(3) – *И надо же – плохое настроение само собой куда-то улетучилось!* (Рик Т. Лекарство от плохого настроения // Мурзилка, 2002).

چه جالب - حال بد خود به خود ناپدید شد! و -

– *Ва чэ джалэб* – *һал бад ход бэ ход нападид шод!*

(4) *С какой-то глупой самодовольной внутренней ухмылкой, которой Новиков сам же застыдился, он подумал: «Вот это да, попал и я в номенклатуру»* (Гроссман В. Жизнь и судьба. Ч. 2. 1960).

نوویکوف با پوزخند درونی از خود راضی احمقانه، که خود او از آن خجالت می کشید، فکر کرد: "وای، من هم وارد فهرست اسامی شدم."

Новиков ба пузханд даруни аз ход рази, ке ход у аз ан хеджалат микешид, фекр кард: «Вай, ман һам варэд фэһрэст асами шодам».

(5) – *Сережка в школу пошел. – Да ты что? Когда? – Этой осенью! – Вот время идет!* (Геласимов А. Ты можешь. 2001).

سرپوزکا دیگر مدرسه ای شده. – **چی میگي**؟ چه زمانی؟ - -

همین پاییز! - زمان چه زود می گذارد!

Серёжка дигяр мадрасэи шодэ. – Чи миги? Чэ замани? – һамин пайиз! – Заман чэ зуд мигозарад!

Согласие - رضایت (پاسخ مثبت), *موافقات, резайат (пасохэ мосбат)*

Экспрессивные конструкции ‘А как же!’, ‘Еще бы!’ акцентируют внимание на семе ‘согласие’ и репрезентируют положительный ответ с оттенком удивления заданному вопросу.

Согласно словарю [16], в качестве переводного эквивалента конструкции ‘А как же!’ в персидском языке указывается слово *ма-гар мишавад*.

(6) – *Нет ли у Вас фоторобота? – спросил Шерлок Холмс секретаря. – А как же! – ответил радостно секретарь* (Карпов В. Э., Мещерякова Т. В. Об автоматизации нетворческих литературных процессов // Информационные технологии, 2004).

- تصویر رایانه ای از چهره دارید؟ - شرلوک هولمز از منشی **شوود** نداشته باشیم! - منشی با خوشحالی جواب داد. پرسید. – **مگر می**

Тасвирэ райанэи аз чэхреһ дарид? – Шерлок холмс аз монии порсид – **магар мишавад надаштэһ башим!** – монии ба хоһнаһи джаваб дад.

(7) – Да захочет ли он прийти к нам? – **Еще бы!** Он очень будет рад (Тургенев И. С. Накануне).

فکر می کنی او بخواد به 469 ما بیاید؟ - چرا که نه! او بسیار خوشحال خواهد شد.

– фэкр микони у бэхаһад бэ ма биайад? **Чэра кэ на!** у бэсъяр хоһнаһ хаһад шод.

Возражение – مخالفت (اعتراض) **мохалэфат (этэраз)**

Конструкции ‘Ничего подобного!’, ‘Да ты что?’ выражают сему ‘возражение’. Эти конструкции употребляются как выражение решительного отрицания, несогласия. В русском языке нейтральными вариантами этих конструкций выступают ‘я не согласен’, ‘нет’, ‘это не так’ соответственно:

(8) – Почему ты говорил о рабочих так... раздраженно? – **Ничего подобного!** Откуда ты это взяла? (Горький М. Жизнь Клима Самгина).

– چرا در مورد کارگران اینقدر با عصبانیت صحبت کردی؟ - هیچ همچو چیزی نیست! از کجا اینو در آوردی؟

– чэра дар морэдэ каргяран ингадр ба асабанийат соһбат карди? – **һич һамчу чизи нист!** Аз коджа ино дар аворди?

(9) – Мне кажется, меня тоже убьют... – **Да ты что?!** – я пришел в полное изумление (Белусова В. Второй выстрел. 2000).

– به نظرم من را هم خواهند کشت... - چه می گویی؟! - من کاملاً حیرت زده شدم.

Бэ назарам ман ра хаһанд коһт... – **чэ мигуйи?!** – ман камэлан һэйрат задэһ шодам.

Предположение – (حدس، تصور) **гоман (һадс, тасаввор)**

Для выражения *предположения* в разговорной речи в русском языке употребляется конструкция ‘... что ли?’, который обозначает *наверное*,... Эта конструкция в словаре [16] переводится как *йани* *یعنی*:

(10) А когда на плохенькую репродукцию смотрели – всё чувствовали! Получается, зря ехали, что ли?! В Дрезден... Значит, зря (Гришковец Е. Одновременно. 2004).

– هنگامی که به یک تولید ضعیف نگاه می کردید، همه چیز را احساس می کردید! معلوم می شود که بیهوده رفتیم، یعنی؟! به درسدن ... پس بیهوده بود.

Нэнгами кэ бэ ек толидэ заиф нэгаһ микардид, һамэ чиз ра эһсас микардид! Малум мишавад кэ биһудэһ рафтим, **йани?!** Бэ Дрэсдэн ... пас биһудэһ буд.

Отказ – (رد) **джавабэ рад (рад)**

Конструкции ‘Ни за что!’, ‘Ну уж нет!’, ‘Я пас’ выражают сему ‘отказ’.

Конструкция ‘Ни за что!’ имеет значение ‘Нет. Никогда’, которая в персидском языке обозначается словом هرگز *hargez*:

(11) – Чтобы наша дочь перешла в какое-то там лютеранство и протестантство – **ни за что!** (Рыбаков А. Тяжелый песок. 1975–1977).

– که دختر ما به لوترانیسم و پروتستانتیسم روی آورد - هرگز!

Кэ дохтарэ ма бэ лотеранисм ва протестантисм руй авард – **һаргэз!**

Конструкция ‘Ну уж нет!’ в персидском языке может выражаться конструкцией **اصلاً و ابداً!** *Аслан ва абада*.

(12) Он, хромя, приковылял к двери, уселся перед ней и стал проситься на улицу. – **Ну уж нет!** – строго сказала мама. – Куда ты, такой дырявый, собрался? (Аромштам М. С. Мохнатый ребенок. 2010).

– او لنگان لنگان به سمت در رفت، جلوش نشست و شروع به کرد. - اصلاً و ابداً! - مامان خیلی جدی درخواست بیرون رفتن گفت. - "کجا میخوای بری با این سر و وضع؟"

– У ланган ланган бэ самтэ дар рафт, джэлуйаш нэшаһт ва шору бэ дархастэ бирун рафтан кард. – **аслан ва абада!** – маман хэйли джедди гофт. Коджа михай бэри ба ин сар ва ваз?

Согласно «Русско-персидскому словарю» [16], в качестве переводного эквивалента конструкции ‘Я пас’ указывается оборот **مان تسليم من تاسليم**.

(13) – Извините. Я своих решений не меняю. – Тогда **я пас**, – сказал Петр. – Не хотите как хотите. А больше заплатить не сможем (Слаповский А. И. Большая Книга Перемен // Волга. 2010).

– ببخشید. من تصمیماتم را تغییر نمی دهم. - پیتر گفت: "پس من تسلیم." - هر طور میل شماست. اما ما نمی توانیم بیشتر پرداخت کنیم.

– бэбахшид. Ман тасмиматам ра тағйир нэмидам. Питер гофт: **пас ман таслим**. *har tor mэйлэ шомаһт. Амма ма нэмитаваһим биштар пардахт коним.*

Сожаление – (تأسف) **афсус (таассоф)**

Конструкции ‘Я бы с удовольствием, но...’, ‘Увы!’ обозначают сему ‘отказ’ в разговорной речи.

Конструкция ‘Я бы с удовольствием, но...’ имеет нейтральный вариант ‘К сожалению, не могу. К сожалению, нет’. Эта конструкция обозначается в персидском языке словосочетанием **با کمال میل، اما...**

(14) **Я бы с удовольствием, но** у меня обе ноги левые, не представляю, как вы справитесь (Дворецкий Л. Шакалы. 2000).

– با کمال میل، اما من هر دو پای چپم را دارم، نمی چگوننه می توانید از پس این کار بر بیایید.

– *ба кямалэ мэйл, амма ман хар до пае чапам ра дарам, нэמידанам чэгунеш митаванид аз пасэ ин кар бар биайид.*

Информация о сожалении выражается также конструкцией **Увы!**, которая переводится в персидском языке словом *افسوس* / *афсус*.

(15) *А оставшейся мощности двум-трем колесам, увы, недостаточно* (Качурин Н. Крутящий момент истины // Автопилот. 15.02.2002).

- واما قدرت باقى مانده براى دو يا سه چرخ، افسوس، كافى نيست.

Ва амма годратэ баги мандэһ барае до йа сэ чарх, афсус, кафи нист.

В русском языке существуют экспрессивные конструкции, которые могут обозначать такие эмоции, как *восхищение, возмущение, радость, огорчение*. Перейдем к описанию этих конструкций.

Восхищение - (تحسين (شعف) **таһсин (шаф)**)

К экспрессивным конструкциям, обозначающим *восхищение* в разговорной речи, относятся такие, как **‘Ух ты!’**, **‘Вот это да!’**, **‘Ничего себе!’**. Эти конструкции в персидском языке переводятся как *عجب* *аджаб*, *نمیشه* *намише*, *بافارم* *баварам* *нэмишэ*, *شگفتا* *шэгфата* соответственно:

(16) – *А что такое сахарная пудра? – Наркотик. – Ух ты! А откуда у тебя наркотик? – Торговал когда-то* (Клепаков А. Опекун // Волга. 2016).

- پودر قند چیست؟ - مواد. - عجب! مواد را از کجا تهیه کردید؟ - یک زمانی تجارت می کردم.

Пудрэ ганд чист? Мавад. Аджаб! Мавад аз коджа таһайэ кардид? – ек замани тэджарат микардам.

(17) *Может, он хотел извиниться? 4 апреля 1995 года. Вот это да! Просто нет слов. Я каскету наконец посмотрел* (Геласимов А. Нежный возраст. 2001).

شاید او می خواست عذرخواهی کند؟ 4 آوریل، سال 1995. باورم همیشه! دیگر هیچ حرفی نیست. بالاخره نوار ویدئویی را دیدم.

Шайад у михаст озрхати конад? 4 аврилэ салэ 1995. Баварам нэмишэ! Дигар һич харфи нист. Бэл ахарэһ наварэ видэои ра дидам.

(18) – *У нас нет срочной работы? – едва ли не гневно воскликнул он. – Ничего себе! У нас нет срочной работы!* (Солженицын А. В круге первом. Т. 1, гл. 26–51 // Новый мир, 1990).

- کار فوری نداریم؟ - تقریباً با عصبانیت او فریاد زد. - شگفتا! ما کار فوری نداریم!

Карэ фори надарим? Тагрибан ба асабаният у фаръяд зад. Шэгфата! Ма карэ фори надарим!

Возмущение - (خشم (انزجار) **хашм (энзэджар)**)

К экспрессивным конструкциям, обозначающим *возмущение* в разговорной речи, относятся **‘Ну вообще!’**, **‘У меня нет слов!’**, **‘Безобразно!’**, **‘Ну, знаешь...’**, **‘Ну, знаешь ли...’**.

Эти конструкции в персидском языке обозначаются как *افتضاح* *афтэзаһ*, *من دیگر هیچ حرفی ندارم* *Ман дигар һич харфи надарам* *бэгуйам*, *این دیگر چه وضعی است* *ин дигар чэ вази аст*, *ببین* *бэбин*, *می دانی که* *ми дани кэ* соответственно:

(19) *Но я считаю, что это «женские штучки», ибо возможности, которые он предоставляет, и качество снимков — ну вообще!* (Выбор цифрового фотоаппарата. 2007–2008).

اما من فکر می کنم که اینها "ترفندهای های زنانه" هستند، زیرا فرصت هایی که او ارائه می دهد و کیفیت تصاویر - افتضاح!

Амма ман фэкр миконам кэ инһа тарфандһае зананэһ настанд, зира форсатһайи кэ у эраэ мидаһад ва кэйфијатэ тасавир – афтэзаһ!

(20) – *Я только что это прочел! – кричал Вельтман. – У меня нет слов!* (Галкина Н. Вилла Рено // Нева. 2003).

- من تازه خوندمش! - ولتمن فریاد می زد. - من دیگر هیچ حرفی ندارم بگویم!

Ман тазэһ хундамэш! Вэлтман фаръяд мизад. Ман дигар һич харфи надарам бэгуйам.

(21) *Возмущённый постоялец обращается к хозяину гостиницы: – Безобразие! У вас худая крыша! Дождевая вода капает мне прямо на кровать!* (Коллекция анекдотов: гостиница. 1970–2000).

مهمان عصبانی خطاب به صاحب هتل می گوید: - این دیگر چه وضعی است! سقف اتاق خراب است! آب باران درست روی تخت من چکه می کند!

Мэһманэ асабани хатаб бэ саһэбэ хотэл мигуйад: ин дигар чэ вази аст! Сагфэ отаг хараб аст! Абэ баран дорост руе тахтэ ман чэккэ миконад!

(22) – *Ну знаешь, за героев всегда так волнуешься, пока читаешь* (Аромштам М. С. Мохнатый ребенок. 2010).

- ببین، در حین خواندن برای شخصیت ها همیشه هیجان زده می شوی.

Бэбин, дар һэйнэ хандан барае шахсийатһа һамишэһ һайаджан задэһ мишави.

(23) – *Такие большие друзья? – Птицы... – Ну, знаешь ли, птица птице рознь.* (Соломатина Т. Отойти в сторону и посмотреть. 2011).

- این قدر دوستان خوبی هستند؟ - پرندگان ... - خوب، می دانی که، پرندۀ داریم تا پرندۀ.

Ин гадр дустанэ хуби һастанд? – парандэган... хоб, мидани кэ, парандэһ дарим та парандэһ.

Радость - (خوش حالی) **шадмани (хошһали)**

Экспрессивные конструкции **‘Ура!’**, **‘Здорово!’**, **‘Круто!’**, **‘Классно!’** обозначают радость, конструкции **‘Да?!’**, **‘Да ладно...’** также обозначают радость, но с оттенком недоверия и соответствуют персидским эквивалентам *هورا* *һура*,

واقعا، باحالە، *Маһиарэ*، محشره *Аали*، *вагэан*، *ولش کن*، *кон* соответственно:

(24) **Ура!!!** Я понял!!! Я понял, откуда у Солопова фамилия! (Переписка в icq между agd-ardin и Колочий друг. 18.12.2007).

- **هورا!!**!! من فهميد!! فهميد نام خانوادگی سولوپوف از کجا آمده است!

هура!!! Ман фаһмидам!!! Фаһмидам намэ ханэвадэгие солопоф аз коджа амадэһ аст!

(25) – **Здорово!** – сказала Белка, когда сели на крыльце пить чай (Козлов С. Кит // Мурзилка. 2003).

- **عالی!** - گفت بلکه، وقتی نشستند در ایوان تا چای بنوشند.

Аали! – гофт Бэлка, вагти нешастанд дар эйван та чай бэнушанд.

(26) – **А теперь, наверное, снова буду.** – **Круто!** – Машка явно была поражена. (Клепаков А. Опекун // Волга. 2016).

- حالا، احتمالاً، دوباره این کار را خواهیم کرد. - **محشره!** - ماشا به وضوح شگفت زده شده بود.

һала، *эһтэмалан*، *добарэһ ин кар ра хаһам кард*. **Маһиарэ!** Маша бэ возуһ шэгэфт задэһ шодэһ буд.

(27) Я ничего не понял в их разговоре. Но все равно интересно! И **классно!** (Клетинич Б. Е. Мое частное бессмертие // Волга. 2016).

- من از صحبت آنها چیزی نفهمیدم. اما همچنان جالب است! و - **باحاله!**

Ман аз соһбатэ аһна чизи нафаһмидам. Амма һамчэнан джалэб аст! Ва **баһалэ!**

(28) – Вы знаете новость? Петров женился. – **Да?!** А я и не знал.

- خبر داری؟ پتروف ازدواج کرد. - نه بابا؟! من نمی دانستم.

- **Хабар дари?** Петров эдэвадж кард. – **На баба?!** Ман немиданестам.

(29) – Да нет, я хотел про наших учителей рассказать, про сельских... – Ну? – **Да ладно!** – Да что же «ладно»? Расскажи (Шукшин В. Печки-лавочки. 1970–1972).

- نه بابا، من می خواستم از معلمانمان بگویم، در مورد روستایی... - - خوب؟ - **ولش کن!** - یعنی چه "ولش کن"؟ تعریف کن.

На баба, ман михастам аз моаллэман бэгуйам, дар морэдэ рустайи... хоб? – **Вэлэш кон!** – Йяни чи «вэлэш кон»? Тариф кон.

Огорчение – *تاثير (تاسف) таассор (таассоф)*

Конструкции '**Ну вот...**', '**Как жаль...**' обозначают огорчение в разговорной речи. Эти конструкции в персидском языке переводятся как *خوب* *хоб*, *چه تاسف آور است* *Чэ таассоф авар аст* кэ соответственно:

(30) – Ну вот, четвертую попытку тоже можно считать неудавшейся, – чуть грустно улыбался я (Клепаков А. Опекун // Волга. 2016).

- **خب،** چهارمین تلاش را هم می توان ناموفق دانست، - لبخند غمگینی می زدم من.

Хоб, чаһаромин талаш ра һам митаван намоваффаг данэст, – Лабхандэ гамгини мизадам ман.

(31) **Как жаль**, что я совершенно ничего об этом не знаю (Улицкая Л. Казус Кукоцкого // Новый мир. 2000).

- **چه تاسف آور است** که من چیزی در موردش نمی دانم.

Чэ таассоф авар аст кэ ман чизи дар морэдэи нэмиданам.

Заключение

Человек познает мир, окружающую действительность, проявляет свои положительные и отрицательные чувства и эмоции. Многие лингвисты отмечают, что не следует недооценивать эмоции человека и оставлять их вне лингвистических исследований. Язык служит для номинации, выражения и описывания эмоций, также формирует эмоциональную картину мира людей, являющихся представителями той или иной культуры. Сами эмоции и способы их выражения в языке занимают одно из главных мест среди научных тем изучения современной лингвистики, которая анализирует эмоции в узком и широком смысле. В узком смысле категория эмотивности соотносится с эмотивной лексикой, рассматривается как отдельный компонент коннотации или в совокупности с экспрессивностью и оценочностью. При широком понимании данная категория включает в себя все языковые средства выражения эмоций и эмоциональной языковой личности. Экспрессивность как лингвистическая категория характерна для русского и персидского языков. Одновременно данная категория характеризуется национальным своеобразием, так как экспрессивность каждого языка выражается по-своему и имеет свои способы и средства выражения. В русском языке экспрессивные конструкции разговорной речи выражают различные эмоции и интенции, такие как удивление, согласие, возражение, предположение, отказ, сожаление, восхищение, возмущение, радость, огорчение и т. д. Данные эмоции и интенции характерны и для персидского языка, но вследствие национального своеобразия, как и указывалось выше, имеют свои способы и средства выражения, т. е. выражаются по-своему. Анализ данных показывает, что «настоящая» структура русских экспрессивных и оценочных конструкций в персидском языке также в большей степени выражается с помощью «глагольной модели», что структура «существительное со значением эмоционального состояния + глагол» из подгруппы сложного глагола является наиболее повторяющейся. Остальные конструкции преимущественно выражаются с помощью «именной модели». Исследование показывает, что в персидском языке не представляется возможным точно предоставить модель перевода и выражения чувств в различных синтаксических структурах русского языка.

Список источников

1. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожин. М.: Флинта: Наука, 2003. 696 с.
2. Сергеева Л. А. Проблемы оценочной семантики. Текст. М.: Изд-во МГОУ, 2003. 140 с.
3. Словарь лингвистических терминов / под ред. О. С. Ахмановой. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
4. Павлова Н. М. О соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д., 1987. С. 47–54.
5. Арнольд И. В. Эмоциональный, экспрессивный, оценочный и функционально-стилистический компоненты лексического значения // XXII Герценовские чтения. Иностранные языки: материалы межвуз. конф. / отв. ред. В. А. Ильиш. Л., 1970. С. 87–90.
6. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М.: Наука, 1986. 143 с.
7. Шаховский В. И. Эмоции: Долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М.: ЛИБРОКОМ, 2010. 128 с.
8. Трипольская Т. А. Эмотивно-оценочный дискурс: когнитивный и прагматический аспекты. Новосибирск, 1999. 166 с.
9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-е изд. М.: Большая рос. энциклопедия, 1998. 685 с.
10. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М.: Наука, 1991. С. 36–66.
11. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке: сб. ст. по языкознанию. М.: Наука, 1958. С. 103–124.
12. Цоллер В. Н. Экспрессивная лексика: семантика и прагматика // Филологические науки. 1996. № 6. С. 62–72.
13. Гиндлина, И. М. Экспрессивные словообразовательные средства в художественной речи и способы их передачи при переводе: дис. ... канд. филол. наук. М., 1999. 215 с.
14. Харченко В. К. Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // РЯШ. 1976. № 3. С. 66–71.
15. Национальный корпус русского языка. URL: www.ruscorpora.ru (дата обращения: 10.12.2021).
16. Восканян Г. А. Русско-персидский словарь: ок. 30 000 слов. М.: АСТ: Восток-Запад, 2008. 865 с.

References

1. *Stilisticheskiy entsiklopedicheskiy slovar' russkogo yazyka* [Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language]. Ed. M. N. Kozhina. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 696 p. (in Russian).
2. Sergeeva L. A. *Problemy otsenочноy semantiki. Tekst* [Problems of evaluative semantics. Text]. Moscow, MGOU Publ., 2003. 140 p. (in Russian).
3. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Ed. O. S. Akhmanova. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1969. 608 p. (in Russian).
4. Pavlova N. M. O sootnoshenii ponyatiy "ekspressivnost'" i "emotsional'nost'" i ob utochnenii ikh lingvisticheskoy sushchnosti [On the relationship between the concepts of "expressiveness" and "emotionality" and on clarifying their linguistic essence]. In: *Problemy ekspressivnoy stilistiki* [Problems of expressive stylistics]. Rostov-on-Don, 1987. Pp. 47–54 (in Russian).
5. Arnol'd I. V. Emotsional'nyy, ekspressivnyy, otsenочnyy i funktsional'no-stilisticheskiy komponenty leksicheskogo znacheniya [Emotional, expressive, evaluative and functional-stylistic components of lexical meaning]. *XXII Gertsenovskiyе chteniya. Inostrannyye yazyki: materialy mezhvuzovskoy konferentsii* [XXII Herzen Readings. Foreign languages: materials of the interuniversity conference]. Leningrad, 1970. Pp. 87–90 (in Russian).
6. Teliya V. N. *Konnotativnyy aspekt semantiki nominativnykh edinit* [The connotative aspect of the semantics of nominative units]. Moscow, Nauka Publ., 1986. 143 p. (in Russian).
7. Shakhovskii V. I. Emotsii: *Dolingvistika, lingvistika, lingvokul'turologiya* [Emotions: pre-linguistics, linguistics, linguoculturology]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2010. 128 p. (in Russian).
8. Tripol'skaya T. A. *Emotivno-otsenочnyy diskurs: kognitivnyy i pragmaticheskiy aspekty* [Emotive-evaluative discourse: cognitive and pragmatic aspects]. Novosibirsk, 1999. 166 p. (in Russian).
9. *Yazykoznanie. Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Linguistics. Big Encyclopedic Dictionary]. Ed. V. N. Yartseva. Moscow, Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ., 1998. 685 p. (in Russian).

10. Teliya V. N. *Ekspressivnost' kak proyavleniye sub'yektivnogo faktora v yazyke i yego pragmaticheskaya oriyentatsiya* [Expressiveness as a manifestation of the subjective factor in language and its pragmatic orientation]. In: *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Iazykovyye mekhanizmy ekspressivnosti* [The human factor in language: Linguistic mechanisms of expressiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1991. Pp. 36–66 (in Russian).
11. Galkina-Fedoruk E.M. *Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke. Sbornik statey po yazykoznaniyu* [About expressiveness and emotionality in language. Collection of articles on linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1958. P. 103–124 (in Russian).
12. Collier V. N. *Ekspressivnaya leksika: semantika i pragmatika* [Expressive vocabulary: semantics and pragmatics]. *Filologicheskiye nauki – Philological Sciences. Scientific Essays of Higher Education*, 1996, no. 6, pp. 62–72 (in Russian).
13. Gindlina I. M. *Ekspressivnyye slovoobrazovatel'nyye sredstva v khudozhestvennoy rechi i sposoby ikh peredachi pri perevode*. Dis. kand. filol. nauk [Expressive word-formation means in artistic speech and ways of their transmission in translation. Diss. cand. philol. sci.]. Moscow, 1999. 215 p. (in Russian).
14. Kharchenko V. K. *Razgranicheniye otsenochnosti, obraznosti, ekspressii i emotsional'nosti v semantike slova* [The distinction between evaluativeness, figurativeness, expression and emotionality in the semantics of the word]. *Russkiy yazyk v shkole – Russian Language at School*, 1976, no. 3, pp. 66–71 (in Russian).
15. *Natsional'nyy korpus russkogo yazyka* [National corpus of the Russian language] (in Russian). URL: www.ruscorpora.ru. (accessed 10 December 2021).
16. Voskanyan G. A. *Russko-persidskiy slovar': okolo 30 000 slov* [Russian-Persian Dictionary: 3000 words]. Moscow, AST, Vostok – Zapad Publ., 2008. 865 p. (in Russian).

Информация об авторах

Набати Шахрам, кандидат филологических наук, ассистент, Гилянский университет (пр. Халидж Фарс, 1841, Решт, Иран).

E-mail: shnabati@guilan.ac.ir

Мехтиханлы Севиндж, кандидат филологических наук, ассистент, завкафедрой, Гилянский университет (пр. Халидж Фарс, 1841, Решт, Иран).

E-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir

Information about the authors

Nabati Shahram, Candidate of Philology, is Assistant Professor, lecturer, University of Guilan (Khalij Fars highway (5th km of Ghazvin road), 1841, Rasht, Iran).

E-mail: shnabati@guilan.ac.ir

Mehdikhanli Sevinj, Candidate of philology, Assistant Professor, head of the Department of Russian Language, University of Guilan (Khalij Fars highway (5th km of Ghazvin road), 1841, Rasht, Iran).

E-mail: smehdikhanli@guilan.ac.ir

Статья поступила в редакцию 05.08.2023; принята к публикации 23.03.2024

The article was submitted 05.08.2023; accepted for publication 23.03.2024